

А.В. ОТЛИВАНЧИК

**ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН»
(период редакторства Г.К. Градовского и Ф.М. Достоевского)**

Выработка идейной платформы еженедельника «Гражданин» рассматривается в контексте истории русской общественной мысли и журналистики эпохи реформ Александра II. Анализируются причины «консервативного поворота» в русском общественном сознании на рубеже 1860–1870-х гг.; исследуется взаимоотношение консервативной и славянофильской тенденций в идейной направленности журнала.

The forming of the idea platform of «The Grazhdanin» weekly is under analysis within the historical context of Russian public idea and journalism of the times of reforms conducted by Alexander II. The article analyses the reasons of the «conservative turn» in Russian public conscience during the period of 1860s–1870s and studies interrelations of conservative and Slavophil tendencies in the idea platform of «The Grazhdanin».

Идейные позиции основанного в 1872 г. В.П. Мещерским политического и литературного еженедельника «Гражданин» формировались в процессе сближения славянофильско-почвеннического и консервативного направлений общественной мысли. Журнал, редакторами которого были Г.К. Градовский (1872 г.), затем Ф.М. Достоевский (1873–1874 гг.) и др., возник в условиях политического поправления значительной части русской интеллигенции на рубеже 1860–1870-х гг.

Основными причинами этого явления были: во-первых, проведенные правительством Александра II ряд реформ (крестьянская 1861 г., земская 1864 г., судебная 1864 г. и др.), а также планируемые преобразования в военной сфере, которые несколько изменили приоритеты общественного сознания: вопросы либерализации, модернизации русского общества, оставаясь на повестке дня, стали утрачивать прежнюю остроту; во-вторых, события в Европе (Испанская революция

1868–1874 гг., Парижская коммуна 1871 г.) и отчасти в России, грозившие сделать опасными и даже гибельными последствия непродуманной радикальной ломки общественных устоев. Например, упразднение традиционной монархии в Испании (1868 г.) спровоцировало гражданскую войну и длительный политический хаос, угрожавший распадом государства. Многолетнее «безначальное состояние», «нормально укоренившееся беззаконие» (Достоевский 1980 XXI, 240), постепенная варваризация общества обусловили беспримерную жестокость испанских революционеров. Не требуют комментариев приводимые европейской прессой в 1873 г. подробности кровавой бойни в Алькое (Валенсия), устроенной участниками I Интернационала: «<...> несчастных (представителей имущих классов. – А. О.) обливали нефтью и сжигали <...> другие были сброшены, мертвыми или живыми, с балкона городской ратуши к разъяренной толпе, которая волокла их по улицам и расчленила на куски» (Mazade 1873, 731). Члены Парижской коммуны в дни «кровавой недели» (21–28 мая 1871 г.) расстреляли более 60 заложников и превратили в руины несколько парижских улиц. Тревожные отклики на эти события находим у Достоевского и других сотрудников журнала «Гражданин»: «Пожар Парижа есть чудовищность <...> Но ведь им (коммунарам. – А. О.) <...> не кажется чудовищностью это бешенство»; «Они рубят головы – почему? Единственно потому, что это всего легче» (Достоевский 1986 XXIX, 214). Как писал С. Николаевский, в Испании «образовался склад тех горючих материалов, которые давно уже угрожают подорвать общественное здание во Франции и противу которых цивилизация должна вооружиться, для спасения своего, всеми зависящими от нее средствами» (Гражданин, 1873, № 7, 190*). Непрочность «нового мироздания» чутко уловил К.П. Победоносцев, лидер русского консерватизма, неоднократно упрекавший радикальных мыслителей в «детском обращении со взрывчатыми веществами реальности». «Цивилизация наша сделала громадные успехи, которые, по-видимому, кружат нам голову. <...> Но за всем тем природа человеческая не изменилась <...>. Одна черта, одно мгновение – и может открыться перед нами и около нас тот хаос, от которого отделяет нас тонкая, щегольская и обольстительная перегородка цивилизации» (1874, № 5, 150). Дегуманизирующее воздействие атеистического мировоззрения и основанных на нем общественных доктрин, по мнению К.П. Победоносцева, подрывало основы стабильности европейской цивилизации и влекло за собой катастрофически тяжелые последствия

для общества, государства и личности. Еще в 1870-е гг. он провидчески указал на будущее торжество «воинствующего безбожия» (1873, № 31, 849) и возможность реализации социал-дарвинистской теории (1873, № 39, 1049). Победоносцев-публицист требовал остановить начавшееся разрушение христианских основ русской и европейской культур, призывал современников уйти от соблазна замены их безжизненными «кабинетными» теориями.

Отрезвляющие уроки Испании и Франции побуждали русскую общественность более вдумчиво осмыслить факты собственного недавнего прошлого: поджог Петербурга 16 мая 1862 г., польское восстание 1863–1864 гг., покушения Д.В. Каракозова (4 апреля 1866 г.) и А. Березовского (25 мая 1867 г.) на Александра II, первые публичные призывы к массовым погромам в революционных прокламациях начала 1860-х гг. Предлагавшиеся социалистами-шестидесятниками радикальные новации во многих сферах общественной жизни: запрет частной собственности, отмена семьи и брака, роспуск монастырей, признание «безусловной невменяемости преступлений» и др. – несли деструктивный потенциал и поэтому отвергались политически зрелой частью русской интеллигенции. Стремясь к стабильности, желая спокойного продолжения начатых реформ, либеральная общественность постепенно становилась на сторону правительства, по крайней мере, в его борьбе с экстремизмом революционеров.

В 1870-е гг. излишняя мягкость правления Александра II, неспособность власти дать стране прочный порядок стали очевидны не только консерваторам, но и части прогрессивно настроенной интеллигенции. Беспokoйством за судьбу родины проникнуты нелестные для царя-освободителя размышления историка С.М. Соловьева о двух типах реформаторов: «Преобразованием проводятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI-е и Александры II-е... Преобразователь вроде Петра Великого при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке – и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель» (Соловьев Б. г., 168). Вспоминая о возникновении журнала «Гражданин», один из современников Достоевского подчеркнет востребованность в русской прессе 1870-х гг. умеренно-консервативного издания для противодействия «нелепостям и крайностям, в какие ударилось движение 60-х годов»: «Нужда в таком органе несомненно существовала. <...> Хотелось <...> разобраться серьезно и беспристрастно в беспорядочном нагромождении новых идей, вкусов и стремлений. В этом нагромождении преобладал всякий наносный сор, который желательно было удалить, чтобы освободить из-под него живое дело просвещенных и плодотворных преобразований» (А. О. 1900, 3).

* Ссылки на журнал «Гражданин» даются в скобках с указанием года издания, номера и страницы. Название журнала в последующих ссылках опускается.

Кроме отмеченных факторов, «консервативному повороту» 1870-х гг. в общественном сознании способствовала и новая внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась Россия после объединения Германии в 1866–1871 гг. Германская империя, созданная в успешных войнах с Австрией и Францией, провозгласила себя новым «жандармом Европы» и устами своих полководцев, в частности Х. Мольтке, заявила о намерении «сохранять мир <...> и принуждать к тому других»* (1874, № 7, 193). Идеология пангерманизма, мечты немцев о естественном праве на «владычество и господство над истощенным и бессильным Латинским западом и грубым, некультурным Славянским востоком» получали широкое распространение и обосновывались официальной наукой (работы Г. фон Лео, М.-В. Гефтера, В. Менцеля, Г. фон Трейчке и др.) (см. Ламанский 1870, 78). Яркий пример «профанации науки» шовинистической пропагандой указал в корреспонденции в журнал «Гражданин» слушатель Гейдельбергского университета И.М. Болдаков, который выписал некоторые «поразительные» фрагменты лекций профессора истории Г. фон Трейчке: «мы ненавидим французов <...> как наших заклятых врагов», «ненависть же к нашим восточным соседям, этим *сарматским дикарям* <...> не умеряется никаким чувством симпатии или уважения», «*sarmatisches Tier*», «*slawischer Kot*», «*sarmatischer Schmutz*»** ... На волне эйфории от побед немецкого оружия ученый-шовинист имел значительный успех у молодых слушателей. «И пример Трейчке не единственный»*** (1873, № 37, 1004). «Страшный сосед живет с нами бок о бок», – размышлял Ф.М. Достоевский в черновике статьи для своего журнала, оценивая «новый огромный исторический факт» немецкого единства. Писатель ссылался на «исторический закон», по которому «жизнь бок о бок» двух могучих народов не может обходиться без войн (см. Достоевский 1980 XXI, 313). Осознание потенциальной угрозы со стороны сильной Германии консолидировало русскую общественность, содействовало усилению «охранительной», проправительственной тенденции.

Консервативное направление в русской публицистике 1860–1870-х гг. представляли М.Н. Катков, Н.А. Любимов, К.П. Победоносцев, Н.А. Безобразов, В.Д. Скарятин, Г.Б. Бланк, Р.А. Фадеев,

* Курсив в цитатах везде авторский, жирный шрифт – наш. – А. О.

** «Сарматская скотина (животное)», «славянское г <...>», «сарматская грязь» (нем.).

*** О подобных фактах писал и Достоевский, проживавший в период франко-прусской войны в Дрездене: «Всего больше горячатся и *гордятся* профессора, доктора, студенты <...> Один седой как лунь и влиятельный ученый громко кричал третьего дня: «Paris muss bombardiert sein!» («Париж должен быть бомбардирован!») (нем.) – А. О.» – письмо А.Н. Майкову от 30 декабря 1870 г. (11 января 1871 г.) (Достоевский 1986 ХХІХ, 162).

В.И. Аскоченский и др. Пореформенный русский консерватизм был внутренне неоднороден, более или менее явно распадаясь на два крупных течения: сословно-дворянское (основной печатный орган – «Весть» В.Д. Скарятин) и национально-патриотическое, идеи которого отражались в изданиях М.Н. Каткова «Московские ведомости», «Русский вестник», «Современная летопись». Отличительной чертой идеологии издания В.Д. Скарятин, которое поддерживали противники преобразований 1860-х гг., являлся дворянский космополитизм, выражавшийся, в частности, в сочувствии нерусской аристократии окраинных регионов. «Весть» последовательно защищала интересы немецких крупных землевладельцев в Остзейском крае, польских – в западных губерниях страны. Среди единомышленников и союзников М.Н. Каткова, выступавших под флагом политического и духовного единства России, преобладали бывшие либералы, одобрявшие первые реформы Александра II. Основная критика изданий «Русский вестник» и «Московские ведомости» была направлена против революционного подполья, «радикальной партии», польских и немецких автономистов. В полемике между газетами «Весть» и «Московские ведомости», не прекращавшейся все 1860-е гг., наглядно выявилось сочувствие большинства консервативной интеллигенции «направлению Каткова»: постепенно терявшая подписчиков «Весть» (тираж в 1868 г. – 3701 экз., в 1869 г. – 2770 экз.) разорилась и закрылась в 1870 г.

Можно говорить о предрасположенности «национального» консерватизма М.Н. Каткова, В.П. Мещерского, К.П. Победоносцева, Р.А. Фадеева, В.Г. Авсеенко к сближению со славянофильством и почвенничеством. В отзыве на сборник статей генерала Р.А. Фадеева «Наш военный вопрос» ведущий критик «Гражданина» Н.Н. Страхов отмечал тесную связь панславистской доктрины Р.А. Фадеева с историософской концепцией Н.Я. Данилевского, изложенной в знаменитом труде «Россия и Европа» (1873, № 44, 1180). В аналитических и полемических работах К.П. Победоносцева предпринята попытка сочетать идеи европейских «правых» – политический абсолютизм Ж. де Местра, английский торизм Дж.-Ф. Стифена – со славянофильской критикой важнейших духовных начал католической и протестантской Европы и учением о «политико-культурных типах», подчеркивающим «различие между общественным духом и складом англо-саксонского и, например, русского племени» (1873, № 32, 871). Самобытный характер своей культуры, своих политических учреждений – «вот что следует охранять дороже всего от кривизны и смешения» (Там же, 873); «отличительные **племенные** черты каждого вероисповедания» непреодолимо препятствуют «объединению вероисповеданий в одном искусственном, надуманном соглашении о догмате» (1873, № 33,

893) – эти и другие мысли К.П. Победоносцева идентичны положениям политической и религиозной философии Ф.М. Достоевского, Н.Н. Стрехова, Н.Я. Данилевского.

На более поверхностном уровне славянофильское влияние усваивается В.П. Мещерским. В многочисленных статьях, фельетонах, памфлетах издаватель-собственник журнала «Гражданин» обыгрывал ставшее «общим местом» публицистов «славянской партии» противопоставление порочного европеизированного Петербурга духовно здоровой провинциальной России: «Если Россия сделается Петербургом – она погибла. Если Петербург сделается Россией – она спасена» (1872, № 34, 559); «в России (а не в Петербурге)» (1873, № 43, 1146); «видно, не настал последний час Содомы, то есть, виноват, ошибся – Петербурга» (1873, № 41, 1094). Налицо и принципиальное отрицание Мещерским западнического евроцентризма. При этом, однако, славянофильские идейные установки в его ранних работах неустойчивы, иногда проводятся автором непоследовательно в пределах одной и той же статьи (1874, № 13/14, 409–410) и легко дезавуируются («Я каюсь в своем заблуждении: еще недавно я почти верил в девственность провинции относительно петербургского <...> сумбура; теперь не верю» (1873, № 30, 824). Впоследствии (в 1880–1890-е гг.) В.П. Мещерский преодолевает славянофильские увлечения молодости и однозначно позиционирует себя как дворянский идеолог – сторонник контрреформ.

После закрытия в середине 1860-х гг. журналов почвенников «Время» и «Эпоха», славянофильской газеты «День» часть сотрудников этих изданий публиковалась – постоянно или эпизодически – в журнале В.В. Кашпирева «Заря» (1869–1872 гг.). Неофициальным соредктором этого издания стал Н.Н. Страхов, одновременно возглавивший отдел критики, ведущими авторами были А.Н. Майков, Я.П. Полонский, Вс.В. Крестовский, Ф.М. Достоевский («Время», «Эпоха»), Ф.И. Тютчев, Н.С. Соханская (псевд. Кохановская), М.П. Погодин, В.И. Ламанский («День») и др. Достоевский, поместивший в «Заре» повесть «Вечный муж», в письме Н.Н. Стрехову от 2 (14) декабря 1870 г. дал восторженную оценку идейной платформе издания: «Для меня “Заря” – вещь родная. Она, почти одна из журналов, стоит за те мнения, которые я ценю теперь выше моей жизни и которым, по убеждению моему, принадлежит будущность» (Достоевский 1986 ХХІХ, 152). Идеология «Зари» отличалась от славянофильства и почвенничества 1860-х гг., означала сдвиг «вправо», в сторону союза с прежними оппонентами журнала «Время» братьев М.М. и Ф.М. Достоевских – изданиями «Русский вестник» и «Московские ведомости». Журнал солидаризовался с «ультра-русским патриотизмом» и государственным бунтом бывшего англомана М.Н. Каткова, постоянно поддерживал его в газетно-журнальной полемике. Идейную близость журналов «Заря» и «Русский вестник» подчеркивает наличие у них общего авторского актива. М.П. Погодин, К.Н. Леонтьев, В.П. Бурнашев, Д.И. Иловайский,

А.Ф. Писемский, Ф.М. Достоевский, В.Г. Авсеенко, Вс.В. Крестовский, Б.Н. Алмазов, другие публицисты и писатели на рубеже 1860–1870-х гг. сотрудничали одновременно в обоих изданиях.

С 1872 г., когда журнал «Заря» прекратил свое существование, его православнофильская тенденция продолжилась в публицистике издания «Гражданин», куда перешли видные сотрудники Н.Н. Страхов, А.П. Шипов, М.П. Погодин, Ф.М. Достоевский, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, М.В. Прахов, Вс.С. Соловьев, Н.С. Соханская... Как и «Заря», «Гражданин» Г.К. Градовского и Ф.М. Достоевского тщательно избегал полемики с катковской прессой, несмотря на критичное отношение к ней некоторых своих работников. Проникновение охранительных начал в позднее славянофильство и почвенничество хорошо заметно в философской публицистике Н.Н. Стрехова. Так, в статье «Нечто о характере нашего времени», посвященной духовно-нравственному состоянию безрелигиозного общества середины XIX в., Страхов-моралист последовательно исходит из консервативного принципа неизменности идеалов. По его мнению, при попытке трансформации или коррекции традиционных идеалов они «утрачивают свое содержание и исчезают». «Новые идеалы» Европы – «возможно большая свобода», «разрушение предрассудков», «распространение <...> просвещения», «устранение <...> физических бедствий», «наращение материального благосостояния» и др. – признаются неистинными, поскольку в них «цель, действительное благо, смешивается со средствами, и люди, не видя цели, к которой могли бы стремиться с религиозным энтузиазмом, переносят этот энтузиазм на средства <...> преимущественно на средства отрицательные, на устранение помех к неизвестному и все больше исчезающему в тумане благу» (1873, № 36, 980–981). Вслед за Стреховым подобный вывод делает и В.П. Мещерский: «Они <...> потеряны, эти старые идеалы (религиозные. – А. О.), и заменить их новыми <...> нельзя, ибо их нет <...> ибо потерянные идеалы были единственными идеалами» (1874, № 10, 300).

Таким образом, мировоззренческая система славянофильства-почвенничества взаимодействует и частично срастается в журнале с охранительной идеологией. Но «симбиоз» двух изначально различных направлений не приводит к выработке единого, внутренне непротиворечивого мировоззрения. Принципиальные расхождения между славянофилами-почвенниками и консерваторами издания особенно четко выявляются в блоке внешнеполитических публикаций (рубрики С. Николаевского «Политическое обозрение», К.П. Победоносцева «Русские листки из-за границы», Ф.М. Достоевского и В.Ф. Пуцковича «Иностранные события» и др.). Никто из почвенников – международных обозревателей журнала – не сочувствует западноевропейским «правым». Славянофильское неприятие традиционных форм политического устройства, традиционной религиозности старой Европы обуславливает симпатии Ф.М. Достоевского, С. Николаевского, К. Заруцкого, молодого В.Ф. Пуцковича к

умеренно-прогрессивным деятелям и партиям – английским вигам, французским правым республиканцам, швейцарским либералам, противникам папства в Италии и т. д. В то же время охранитель К.П. Победоносцев солидаризируется с западными консерваторами, в том числе со сторонниками абсолютистской монархии, сочувствует борьбе католических клерикалов со светской властью. Отсутствие единомыслия в первоначальной редакции журнала «Гражданин» замечает анонимный мемуарист «Нового времени», подчеркивавший «видную роль» в журнале славянофила Т.И. Филиппова и в известной мере противопоставлявший его В.П. Мещерскому. «Он <Т.И. Филиппов> не был, например, сторонником дворянских мнений кн. Мещерского, и вообще дворянские интересы занимали его слабо. Не был он и обскурантом в настоящем смысле, так как ничего не имел против науки, пока она держалась в стороне от церковных вопросов» (А. О. 1900, 3). Из других источников мы знаем о разногласиях Т.И. Филиппова, Ф.М. Достоевского и А.Н. Майкова с В.П. Мещерским по вопросу эмансипации женщин (см. Достоевский в неизданной переписке 1973, 420; Викторovich 1988, 209). Отрицательные оценки Т.И. Филиппова вызывала «ретроградная» публицистика М.П. Погодина. Сохранившееся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) письмо Т.И. Филиппова М.П. Погодину от 20 октября 1873 г. содержит нелицеприятный отзыв о новой книге М.П. Погодина «Простая речь о мудреных вещах» – неумело исполненном антинигилистическом памфлете. «Впечатление,

произведенное “Речью” <...> таково, что лучше было бы ей не появляться в свете», – сообщал Т.И. Филиппов, советуя коллеге: «От второго издания лучше было бы воздержаться: овладейте собой и победите искушение» (РГАЛИ. Ф. 373. 1. 351. Л. 56 об.). Вышеизложенное дает основание не отождествлять позднее славянофильство-почвенничество Ф.М. Достоевского, Т.И. Филиппова, А.Н. Майкова и др. с консерватизмом собственника «Гражданина» и близких ему публицистов.

Работа выполнена в рамках договора с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований, грант Г09Р-007 от 15 апреля 2009 г.

ЛИТЕРАТУРА

- А. О. Маленький фельетон (Из литературных воспоминаний) // Новое время. 1900. 31 окт. С. 3–4.
 Викторovich В. А. Достоевский и В.П. Мещерский (К вопросу об отношениях писателя с охранительным лагерем) // Русская литература. 1988. № 1. С. 205–216.
 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21; 1986. Т. 29. Кн. 1.
 Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 349–564.
 Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. Гл. III // Заря. 1870. № 12. Отд. II. С. 44–161.
 Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. М., Б. г.
 Mazade Ch. de. Chronique de la quinzaine // Revue des Deux Mondes. 1873. 1er août. P. 722–734.

Поступила в редакцию 25.05.09.

Александр Владимирович Отливанчик – преподаватель кафедры истории журналистики Института журналистики БГУ.